Жигал Иван Владимирович

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РУМЫНИЮ

После долгих переговоров и определения для себя выгодных условий правительство Румынского королевства 27 августа 1917 г. заявило о своём вступлении в войну на стороне Антанты. Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты объективно влекло за собой взаимодействие и сотрудничество с российской армией на Восточном фронте. Потеряв к декабрю 1916 г. почти всю свою территорию, Румыния оказалась в сложном положении: Бухарест был захвачен, остатки румынских войск были вынуждены с боем отступить в Западную Молдову, а правительство и королевский дом эвакуировались в Яссы.

Пришедшим на помощь румынской армии российским войскам удалось в декабре 1916 — январе 1917 г. остановить австро-германские войска на реке Сирет. В это же время было закончено формирование Румынского фронта российской армии, в которой вошли остатки румынских войск. Таким образом, с этого момента любая российская неудача могла напрямую повлиять на ситуацию в Румынии.

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой отречение российского императора, и этот факт не мог не вызвать беспокойства среди румынских политиков и королевского двора. Политики и королевский двор пристально следили из Ясс за тем, как развивалась ситуация, надеясь, что смена политического строя в России не скажется на её военных обязательствах. Временное правительство, возглавляемое сначала князем Львовым, а после социалистом Керенским, твёрдо заявило о своих намерениях продолжать войну против Центральных держав до полной победы Антанты. Однако нарушение принципа единоначалия в армии после издания Приказа № 1, а также антивоенная пропаганда коммунистов, оказали серьёзное влияние на боевые действия и дисциплину солдат на Румынском фронте, уставших от продолжавшейся уже три года войны.

Тем не менее, румынской армии совместно с российскими войсками удалось противостоять наступлению германо-австро-венгерским войск под командованием Макензена. В ходе битв при Мэрэшэшти (6 августа — 8 сентября 1917 г.) и в долине реки Ойтуз (8—22 август 1917 г.) удалось избежать катастрофы, связанной с возможным захватом Ясс. К первой декаде сентябре Румынский фронт стабилизировался, однако уже в октябре большевики захватили власть в Петрограде.

В дневниковой записи от 26 октября 1917 г. королева Румынии Мария отметила: «В середине дня мы получили новости, новости, которые подталкивают к отчаянию и которые могут означать что угодно: революция повернулась в сторону максималистов» [4, pp. 247—248]. Личная запись королевы как нельзя лучше отражает настроения румынских политиков, понимавших, что намерение большевиков выйти из войны повлечёт за собой тот факт, что Румыния останется без союзников на фронте. В свою очередь это

бы означало угрозу для существования самого румынского государства, не говоря уже о достижении целей, которые Румыния ставила себе в ходе этой войны.

Опасения румынских политиков полностью оправдались, приняв Декрет о мире, новые российские власти инициировали мирные переговоры с Центральным державами, тем самым поставив точку на румыно-российском сотрудничестве. Как позже писал в этой связи румынский историк Константин Кирицеску: «Русская революция — центральное событие в мировой истории, имела серьёзные последствия для российско-румынских отношений в ходе мировой войны. Российско-румынский военный альянс прекратил своё существование. Два былых союзника с этого момента будут в разных лагерях, не имея общей цели» [3, p. 190]. Положение Румынии в этих условиях, казалось, было безвыходным, «угрожающим не только опасностью поражения в войне, но и самому существованию государства» [3, p. 196].

Инициированные новой властью мирные переговоры воспринимались в Румынии крайне пессимистично, в своём дневнике командующий 2-ой румынской армией генерал А. Авереску отмечал: «ситуация в России становится все более запутанной для нас, поэтому более опасной [...]. Мы достигли переломного момента [...]. Мое сердце кровоточит перед лицом близкой катастрофы, и не думаю, что мы сможем убежать, кроме как с помощью настоящего чуда» [2, pp. 205—206].

В представлении видного политического деятеля Константина Арджетояну (которой в межвоенное время станет одним из влиятельнейших антикоммунистически настроенных румынских политиков) октябрьский переворот означал начало румыно-российского конфликта: «В конце октября ситуация полностью изменилась. Опасность больше исходит не от фронта, а с противоположной стороны; русский занял место немца и стал нашим самым опасным врагом» [1, p. 255]. Наблюдая дезорганизованные российские войска в Западной Молдове, солдаты которых арестовывали и зачастую убивали своих офицеров, Арджетояну высказывал опасения, что «всё это может трансформироваться в грабежи и резню повсюду между Карпатами и Прутом. Мир ожидает всех ужасов вторжения дикарей, которые больше не слушали какую-либо власть» [1, p. 256]. В то же время не стоит преувеличивать влияние большевиков на Румынском фронте, где в солдатских комитетах преобладали эсеры и меньшевики — этот факт позволил командованию фронтом в лице генерала Д. Г. Щербачёва отказаться подчиняться советской власти.

Заручившись поддержкой французских военных представителей, обеспокоенных возможным ростом влияния большевиков на фронте, Щербачёв вступил с германским и австро-венгерским командованием в переговоры о перемирии, которые завершились подписанием 26 ноября 1917 г. в Фокшанах перемирия между русско-румынскими и германо-австрийскими войсками. После этого Щербачёв переориентировал подчинявшиеся ему части на борьбу с большевиками. С этого времени Румынский фронт фактически перестал существовать, а вместе с тем сбылись и худшие опасения румынских политиков — Румыния оказалась в совершенно безнадёжной ситуации (особенно после Брестского мира), став единственным

государством на Восточном фронте, находившимся в состоянии войны с Центральными державами.

Библиографический список

1. Argetoianu, Constantin. Memorii. Pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri. Vol. III—V. — Ediţie revăzută și îngrijită de Eugen Neagoe, Editura Machiavelli, București, 2008. — 398 p.

2. Averescu, Alexandru. Notiţe zilnice din război. Vol. II. — Ediţie îngrijită de Eftimie Ardeleanu și Adrian Pintea, Editura Militară, București, 1992. — 350 p.

3. Kiriţescu, Constantin. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. II. — Editura Ştiinţifică și Enciclopedică, București, 1989. — 668 p.

4. Maria. Regina României. Jurnal de război. Vol. II. — Ediţie îngrijită de Lucian Boia, București, 2015. — 496 p.

Кухаренко Варвара Николаевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЛИДЕР ХОРВАТСКОЙ НАРОДНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ СТЕПАН РАДИЧ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Лидер Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП) Степан Радич во все периоды своей деятельности отличался переменчивостью политических взглядов. Годы Первой мировой войны, а особенно заключительный ее период, стали ключевым периодом для формирования дальнейшей парадигмы развития партии. Именно в 1917—1918 гг. был заложен идеологический фундамент сильнейшей хорватской политической организации межвоенного периода. И как раз с Февральской революции (которую Радич, как и все его коллеги в Австро-Венгрии, называет по новому стилю, Мартовской) мы можем отслеживать эти программные изменения в публичных выступлениях и статьях политика.

Начало Февральской революции совпало с последними днями заседаний хорватского Сабора весной 1917 г. Лидер ХНКП регулярно информировал читателей в печатном органе партии газете «Dom» о событиях в России и комментировал их. Он сразу же приветствовал революцию, что было обусловлено с его стороны еще и надеждой на приход к власти в России либеральных политиков, с которыми он еще в 1909 г. наладил контакты. Особенные надежды он связывал с князем Г. Львовым и П. Н. Милюковым, который когда-то заявлял о праве хорватов на Боснию [8, s. 34]. Радич также идеализировал русских рабочих, считая их, как и русских крестьян, пацифистами, и надеялся на создание рабоче-крестьянской республики, где все будет развиваться под контролем крестьян и рабочих и в их интересах. Кроме того, Милюков, в качестве министра иностранных дел в новом составе правительства князя Львова, заявил о поддержке югославянского объединения, вопреки прежней позиции российских кабинетов. Еще более радовало, что новые люди в российских правящих кругах не имели никаких связей с Сербией, а потому в планирующемся объединении южных славян не стали бы вмешиваться лишь в ее интересах. Радич надеялся и на заключение русскими сепаратного мира с Австро-Венгрией, хотя отмечал, что в России нет единого мнения о продолжении войны: